

James P. Mallory.

The Origins of the Irish.

London: Thames & Hudson, 2013. 320 pp., 122 ill. ISBN 978-0-50005-175-7.

В позднесредневековых ирландских трактатах было принято при переписывании более древнего текста снабжать его небольшим предисловием, определявшим непременно его *locus, tempus, persona et causa scribendi*. Это же невольно хочется сделать, читая итоговую книгу известного индоевропеиста, кельтолога и археолога Джеймса Мэллори. Локус, казалось бы, определить не сложно: книга написана в Белфасте, в университете Квинс (Ирландия), где автор проработал более двадцати лет, а в сентябре 2012 года «по возрасту» был вынужден оставить должность профессора. До этого он работал в UCLA, где в 1967 году решил написать диссертацию о происхождении ирландцев с точки зрения этнической, языковой и археологической. Сейчас, как пишет он в предисловии к книге, эта работа кажется ему наивной и недостаточно освещающей различные и часто противоречивые взгляды на проблему. Причем ощущение недоговоренности, недосказанности, недоизученности появилось у него, как он сам признается, практически сразу после завершения работы, и потребность вернуться к этой теме не покидала его никогда. Вот и ответ о «времени» написания книги — Мэллори писал ее практически всю жизнь, лишь временно отвлекаясь, как он признается, «на другие проекты», что и дает мне основания выпендренно назвать этот труд «итоговым».

Причина, по которой он решил этот труд все-таки закончить и опубликовать именно сейчас, наверное, более сложна. Скорее всего, причин было много, но мне кажется, что одной из наиболее важных было желание дать трезвую, взвешенную оценку того, как, по данным археологии, генетики и лингвистики, могла постепенно сложиться ирландская этноязыковая общность, и противопоставить свой взгляд не только многочисленным романтическим спекулятивным рассуждениям, но и псевдонаучным теориям, которые в последние десятилетия распространяются всё больше и втягивают в свое «поле» всё большее число исследователей. В первую очередь речь, конечно, идет о так называемой альтернативной теории кельтской прародины, согласно которой собственно кельты как

этнос сформировались на западе Пиренейского полуострова и уже оттуда затем расселились по всей Европе и, в частности, колонизовали Ирландию. Главным сторонником данной теории является профессор Аберистуитского университета (Уэльс) Дж. Кук, который окончательно сформулировал ее в 2009 г. в предисловии к своей книге «Тартессийский язык. Кельты на Юго-Западе на заре истории» (Koch 2009, мой отклик на попытки отнести тартессийский язык к кельтским см. Михайлова 2010). Встреченная вначале с осторожностью, «испанская теория» сейчас находит все больше последователей. Так, вышедший в 2010 г. коллективный труд «Кельты с Запада: альтернативный взгляд с позиций археологии, генетики, языка и литературы» (Cunliffe, Koch 2010) была восторженно отрецензирована известным археологом Х. Биркханом, который написал, что «данный сборник является значительным шагом в развитии кельтологии, и его авторов можно только поздравить» (Birkhan 2013: 296). Полемика с «испанской теорией», как мне кажется, и является главной причиной того, что Джеймс Мэллори поспешил опубликовать свою книгу, в которой проблема заселения Ирландии и формирования гойдельской этноязыковой общности также прослеживается с разных точек зрения: археологической, литературной, генетической и лингвистической.

О заселении Ирландии кельтами написано очень много, однако до сих пор единого мнения о том, откуда, кем и когда она была заселена и когда именно появились там кельты, нет, и многие утверждения традиционно сопровождаются выражением сомнений и невозможности сделать определенный вывод. См., например, точку зрения Дж. Коллиса: «Таким образом, мнение многих авторов, что Ирландия стала „кельтской“ в III или II вв. до н. э., не имеет никакого подтверждения. Хотя имеющиеся данные говорят о сокращении численности населения на переходе от бронзового к железному веку, этнический состав этого населения определить невозможно. Вряд ли бронзовый век здесь продолжался дольше, чем в других регионах, как считают некоторые; остров не был изолирован от остальной Евро-

пы и развивался вместе с ней, хотя подтверждений этому пока не найдено» (Collis 2010: 183).

В предисловии к своей книге Дж. Мэллори, естественно, также говорит о том, что его реконструкция в основном носит характер лишь предположительный и что ирландский этнос складывался постепенно из нескольких волн заселений (не случайно он обращает внимание читателя на множественное число слова «происхождение» в названии: Origins).

По его мнению, этноязыковая общность, которую условно можно назвать «ирландской» (мы бы в данном случае предпочли термин «гойдельская», поскольку, строго говоря, все поселенцы, живущие на этом острове, начиная с мезолита, уже могли называться ирландцами), сложилась только к середине V в. н. э., когда правил полулегендарный король Ниалл Девяти Заложников, давший начало династии верховных королей. В дальнейшем этот Ниалл в качестве символического «ирландца» постоянно фигурирует на страницах книги Мэллори. Данная интересная идея, как я понимаю, была подсказана ему материалом из книги «Кельты с Запада»: в статье Б. Мак-Эвоя и Д. Брэдли «Ирландские гены и кельты» приводятся данные суммарного анализа распространения в Ирландии гаплогрупп Y-хромосомы «ирландского типа» (IMH — Irish Modal Haplotype), при этом исходной точкой распространения называется северо-восток острова, а временем — середина V в. (см. McEvoy, Bradley 2010: 114—116). Более поздние наслоения — викингов, норманнов и англичан — автор предлагает не рассматривать. И в этом он, безусловно, прав: эти поздние вторжения хорошо описаны, как исторически, так и лингвистически, однако, следует сказать, что анализ ДНК современного населения страны с данной точки зрения при этом окажется не полным.

Первая глава книги «Происхождение ирландцев» посвящена геологической истории острова. Автор детальнейшим образом прослеживает историю формирования границ Ирландии именно как острова и делает вывод, что если современный береговой рельеф сложился всего лишь ок. 10 000 лет до н. э., в более ранние периоды остров мог быть связан с континентом несколькими сухопутными проходами, по которым происходило распространение не только флоры и фауны, но и, возможно, его первых колонизаторов, которые не оставили никаких археологических свидетельств своего пребывания. Самые ранние стоянки на территории Британии датируются уже 12 700 г. до н. э., что предполагает возможность присутствия человека и в соседней Ирландии. Косвенным свидетельством

данного «доисторического присутствия» Мэллори считает наличие на территории Ирландии колоний диких кабанов, которые, как он предполагает, появились там не естественным образом, а были специально завезены туда первыми поселенцами. Те, естественно, еще не были скотоводами, но понимали, что постоянно увеличивающееся поголовье кабанов представляет собой идеальный объект для охоты (ср., добавим мы, аналогичный феномен заселения кроликами Австралии). Но самое интересное, что генный анализ этих кабанов демонстрирует близость с аналогичными животными, обитавшими на территории Испании и южной Франции.

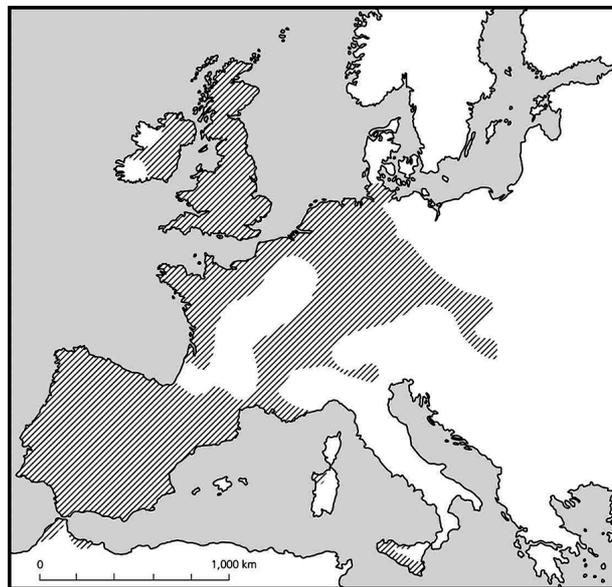
Реальные «первые колонисты» Ирландии, описанные во второй главе, появились уже в эпоху мезолита (8000 г. до н. э.) и продержались там примерно 4000 лет. Естественно, это были охотники (и рыболовы) и собиратели, не знавшие ни скотоводства, ни земледелия, пользовавшиеся примитивными каменными орудиями и жившие в круглых шалашах, сплетенных из веток. Находки мелких каменных орудий разного назначения объединяют как ирландский, так и британский мезолит. Дж. Мэллори здесь вновь говорит о диких кабанах и, действительно, строго говоря, данных для того, чтобы приписать их завоз на остров также поселенцам эпохи мезолита, у нас нет. «Диете» ранних поселенцев, как и гастрономическим установкам более поздних, в книге вообще уделено очень много места. Видимо, автор не без оснований полагает, что «традиционная кухня» не меньше, чем виды орнамента и способы захоронений, свидетельствует о некоем этническом единстве, связанном общей культурой. В связи с мезолитом в книге впервые ставится вопрос: откуда именно могли переселиться в Ирландию первые охотники? Изучение течений, направлений ветра и дальности путей приводит его к выводу, что наиболее реальным кандидатом здесь оказывается остров Мэн, дающий археологический инвентарь, практически идентичный ирландскому. Поводом для переселения Мэллори здесь считает ограниченность пространства и исчерпанность местных ресурсов в связи с увеличением численности населения. Говоря о предполагаемом числе первых «колонистов», он, ссылаясь на расчеты П. Вудмена (Woodman 1981), называет приблизительное число — 3000 человек, к концу мезолита население могло увеличиться примерно вдвое.

Следующая глава посвящена первым земледельцам и скотоводам (в оригинале — farmers), которые своим появлением открыли в Ирландии эпоху неолита и стояли на гораздо более высоком уровне развития, чем их предшественники. Как

пишет Мэллори, «приход неолита вызвал множество изменений практически во всех областях культуры» (с. 73). Появились первые дома из дерева — уже не круглые в основании, но прямоугольные. Дома объединялись в селения. В Ирландию были завезены разные зерновые культуры (в основном ячмень и рожь, причем они были именно завезены, а не культивированы), а также козы и овцы. В их рационе вообще не было рыбы, зато были обильно представлены злаки и разного рода мясные продукты. Естественно, появились первые образцы примитивных керамических изделий. Главной заслугой первых фермеров было распространение культуры мегалитов, имеющих ритуальный и астрономический характер. Причем, что важно, аналогичный археологический фон примерно в то же время фиксируется и в Британии — иными словами, около 3800 г. до н. э. оба острова стали объектом миграции, источник которой определить трудно. Автор ограничивается констатацией факта, что эта волна переселенцев, скорее всего, попала в Ирландию непосредственно из Британии, и в дальнейшем оба острова на какое-то время оказались связанными одной культурой, включающей в себя типы жилых построек, сложные захоронения курганного типа, примитивную керамику и культуру злаков. К концу неолита (ок. 2500 г. до н. э.) на обоих островах керамика совершенствуется, становится орнаментированной, а также начинают строиться очень сложные ритуальные сооружения и так называемые крытые гробницы. Как полагает Мэллори, с местным мезолитическим населением новые переселенцы вообще практически не общались. Оно постепенно вымерло, в основном от вирусных заболеваний: носителями вирусов являлись новые породы животных, на которые началась охота. Фермеры выработали иммунитет к этим вирусам, которого у первых охотников и собирателей не было. Ирландский неолит описан очень детально, однако установка автора — писать только о заселении Ирландии — невольно оставляет висящим в воздухе вопрос: а откуда же эти волны мигрантов-земледельцев и строителей мегалитов появились в соседней Британии. Так называемый европейский фон культуры мегалитов практически автором не затрагивается, а жаль. Например, описание крытой гробницы («Прямоугольную погребальную камеру обычно составляют плоские массивные валуны, а крышей ей служит огромная и точно подходящая по размеру каменная плита...» — Клинт-Йенсен 2003: 63), обнаруженной на территории Дании, практически совпадает с устройством аналогичных ирландских

неолитических сооружений. Но, возможно, Дж. Мэллори и прав в своей установке: прочертить схему последовательных заселений Ирландии, отмечая лишь их непосредственные источники, но не выискивая их туманные корни (см. выше про остров Мэн).

Рис. 1. Распространение в Европе культуры колоколовидных кубков.

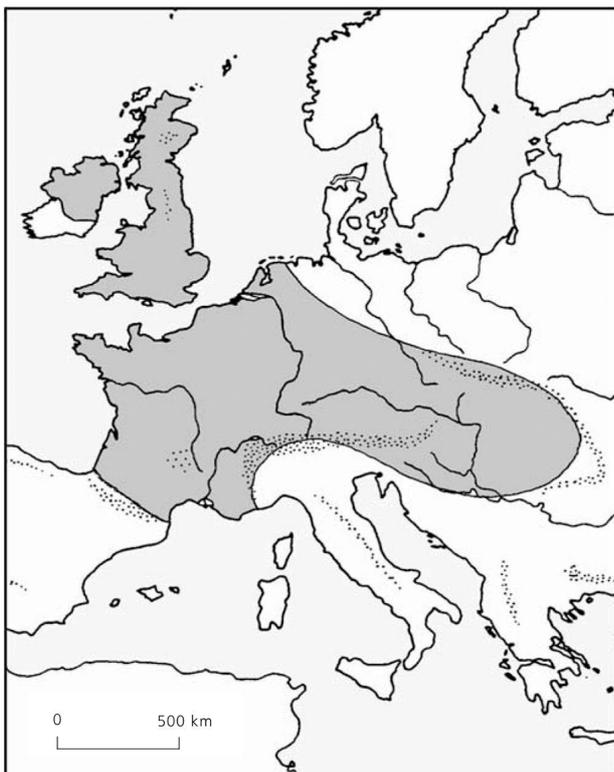

Четвертая («Колоколовидные кубки и металл») и пятая («Становление воинской элиты») главы книги описывают загадочный период истории Ирландии, который лишь условно может быть назван бронзовым веком (ок. 2500—700 гг. до н. э.). Его начало отмечено не столько распространением бронзовых, серебряных и золотых изделий, сколько появлением так называемых колоколовидных кубков (beakers), широко распространенных также в Британии, во Франции и в Испании (см. рис. 1). Отвергая идею, что кубки могли быть завезены в Ирландию с континента (доказано, что в основном они производились на самом острове), Мэллори твердо связывает их появление с новой миграцией и даже высказывает предположение, что «этот новый народ мог дать местному населению коневодство, алкоголь и даже — ирландский язык» (с. 105). Последнее мне кажется недоказуемым, хотя теоретически возможным. Сама же идея новой миграции сомнению не подлежит, поскольку в связи с распространением кубков (в которых действительно находят следы алкоголя) произошла, видимо, и смена религиозных установок: так, ингумация заменяется кремацией (прах размещался в тех же кубках). Примерно в этот же период аналогичные изменения произошли и на территории Британии. Непосредственный источник предполагаемой

миграции автор вновь осторожно не называет, и в общем его можно понять. Новое население принесло с собой также умение выплавлять бронзу и изготавливать серебряные и золотые украшения. Я бы добавила — со странным геометрическим орнаментом, напоминающим орнамент на шаманских бубнах, но таких романтических сопоставлений Дж. Мэллори не делает (аналогичным образом ничего в книге не сказано и о знаменитых спиралевидных узорах на мегалитах).

Далее на острове начинают происходить странные изменения, которые Мэллори связывает уже не с новыми миграциями, но с некими социальными перемещениями. Так, в связи с распространением более эффективного оружия выдвигается группа, которую он называет «воинской элитой», но в то же время сами колоколовидные кубки в начале значительно упрощаются по форме, а затем и вообще выходят из употребления. За 2000 лет истории Ирландия практически утратила культуру керамики и полностью отказалась от каких бы то ни было захоронений (автор полагает, что в этот период трупы сбрасывали в водоемы, хотя число найденных там останков очень невелико). Зато совершенствуются изделия из металла — оружие, конская сбруя, котлы, рога для питья. Строятся крепости на холмах (hillforts) с защитными сооружениями в виде рвов и каменных стен, причем часто на местах ранних отправлений культа.

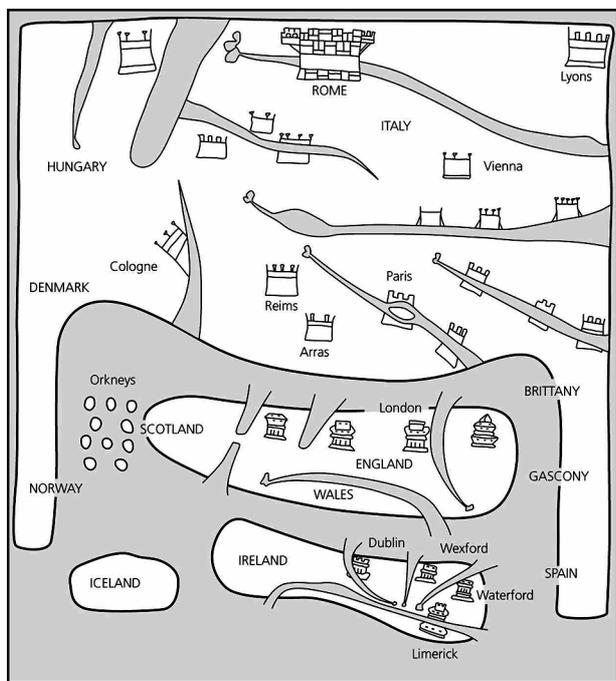
Рис. 2. Схематичное распространение латенского стиля.

Глава шестая — «Железный век». Как пишет Дж. Мэллори, обычно появление на острове железа, а также характерного для континентальных кельтов латенского стиля (см. рис. 2) связывают с проникновением какого-то кельтского языка, что строго говоря — совершенно не очевидно. Кельтский язык мог появиться в Ирландии и раньше, а железо и латенский стиль могли быть и заимствованы населением острова, которое к 600 г. до н. э. наладило постоянные контакты с Европой. Таким образом, что кажется верным, автор постоянно стремится «развести» появление новых технологий, с одной стороны — с появлением нового языка, с другой — с непременными миграциями. В отличие от хрупкой керамики, железные изделия были легко транспортабельны. Кроме того, освоение железа было таким важным шагом в развитии общества Европы в целом, что процесс заимствования не обязательно был связан с какими-то перемещениями этнических групп. Другое дело, как он пишет, железная упряжь вызвала своего рода «транспортную революцию» (с. 179), которая в свою очередь значительно облегчила и убищила этнические перемещения. Если распространение железных изделий и самой новой технологии действительно могло быть заимствовано населением Ирландии с континента, то распространение орнаментального стиля, который обычно связывается именно с кельтами, как всё же кажется, скорее свидетельствует в пользу идеи новой миграции. Мэллори пишет, что латенский орнамент сохранился не только на металлических объектах, но и на тяжелых каменных ступах, так называемых ульевых ручных жерновах (beehive quern), которые, естественно, могли иметь только местное происхождение. Но разве это не говорит именно о вливании дополнительных этнических групп, которые их традиционно соорудили и использовали? Кроме того, с началом железного века возродилась культура кремации и появились значительные коллективные захоронения. Старые религиозные центры обновлялись, достраивались и явно продолжали использоваться как места отправления культа. Но с этим же феноменом мы сталкиваемся и в период распространения в Ирландии христианства, о чем автор не пишет, но что ему, несомненно, хорошо известно. Он справедливо отмечает, что «на Украине и на юге России культовые сооружения, возведенные ок. 3000 г. до н. э., постоянно вновь и вновь использовались как места захоронений до начала Средневековья многочисленными никак не связанными между собой этническими группами» (с. 188). Но это как раз и доказывает, что идея ста-

бильности ритуальных центров не противоречит предположению об этнических сдвигах. Но, связывая распространение латенского стиля с новой миграцией, мы должны будем предположить, что кельты заселили Ирландию только в 600 г. до н. э.? Данная простая идея высказывалась в свое время еще Т. О'Рахилли, предполагавшим даже еще более позднюю дату (O'Rahilly 1946), однако его позиция популярностью не пользуется. Как писали, например, еще в 1967 г. М. Диллон и Н. Чэдвик: «В настоящее время ни одна из точек зрения не выглядит более обоснованной, чем другая, и мы признаемся, что предпочитаем раннюю дату: 2000—1500 гг. до н. э.» (Диллон, Чэдвик 2002: 18). То есть, по Мэллори, — поздний бронзовый век, когда сформировалась воинская элита, распространилось бронзовое оружие, пришла в упадок керамика и произошел странный отказ от захоронений. В результате, всё не ясно (подобные фразы в книге встречаются часто, и это вполне объяснимо осторожностью автора). В заключении к главе он пишет: «Не существует убедительных доказательств того, что железный век в Ирландии явился результатом военной экспансии извне» (с. 199). Да, это так. Но доказательств обратного тоже нет! Несомненно лишь то, что в этом процессе вряд ли могли хоть какую-то роль играть переселенцы из Иберии.

Рис. 3. Карта Ирландии XIII в.

Сама местная средневековая историографическая традиция считала иначе: так называемая «Книга захватов Ирландии» (ок. XI в.) твердо раз-

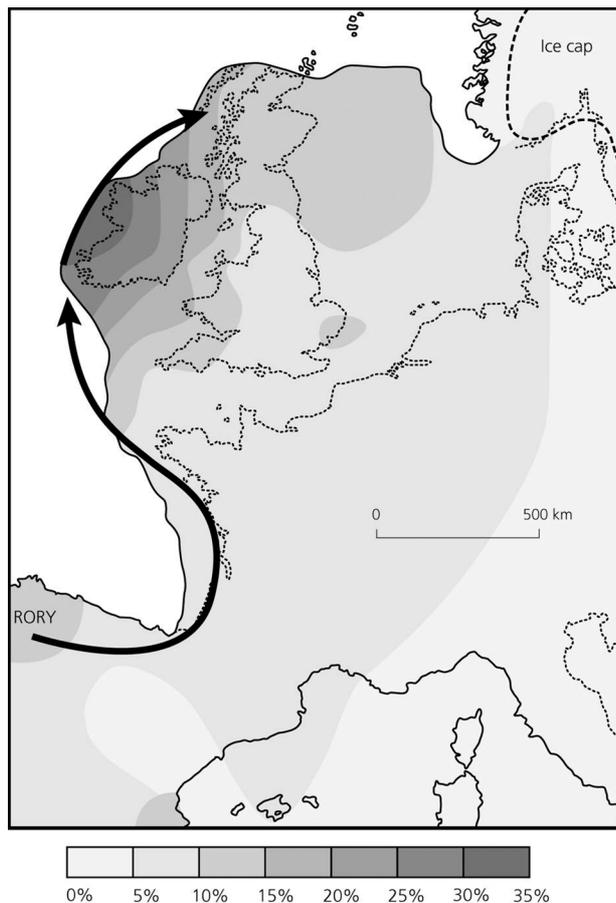
мещает предков современного населения именно в Испании. Анализ этого текста и причинам возникновения таких странных идей посвящена седьмая глава книги Мэллори. Местная «ученая» традиция перечисляет пять волн «захватов» острова, а последнюю, так называемых сыновей Миля, считающихся предками гоиделов, локализует в Испании. Как пишет автор, никакой исторической и археологической реальности этот труд не отражает, а традицию считать, что сыновья Миля приплыли из Испании, с берегов которой они, якобы, увидели остров Ирландию, приписывает авторитету Исидора Севильского, а также ошибкам античных и средневековых карт, размещавших Ирландию между Британией и Испанией (см. рис. 3). «Никаких реальных свидетельств того, что предки ирландцев как-то связаны с Иберией, нет», — пишет он в завершающей главу выводе (с. 214).

Глава восьмая «Череп, кровь и гены» заставляет автора обратиться к совершенно другой области знания, явно для него новой, но сейчас считающейся чуть ли не ключом ко всем замкам палеоантропологии. Мэллори не скрывает своего скептицизма и, как пишет он в заключении к главе, «собственно ирландского гена обнаружить не удалось; представим себе марсианского генетика из будущего, который должен будет реконструировать генный состав населения Ирландии примерно в 2525 г.: ему придется иметь дело не только с потомками ирландцев, но и с англичанами, поляками, литовцами, турками и китайцами» (с. 240). И это действительно так: современное население Ирландии необычайно разнообразно, благодаря мигрантам (но всё же, как мне кажется, миграции современности отличались от миграций древних времен своей этнической дисперсностью и неупорядоченностью, и проводить здесь параллель не очень корректно). Каков же положительный результат? Тот факт, что почти всё коренное население современной Ирландии имеет одну группу крови (в отечественной терминологии — первую, в западной — нулевую), как справедливо отмечает автор, еще ни о чем не говорит: относительная замкнутость островного населения и доминантность этой группы делает этот феномен вполне предсказуемым, к тому же данная группа крови встречается практически во всем мире. Все ирландцы обладают способностью разлагать лактозу, что, естественно, тоже ни о чем не говорит. Современное население Ирландии — мезоцефалы, однако здесь археология может сказать свое слово: такими они стали лишь в бронзовом веке, более раннее неолитическое население имело вытянутые

череп. Однако, как он пишет, палеоантропологический материал скуден и не позволяет сделать каких бы то ни было однозначных выводов. Железный век дает уже больше краниологического материала, но с ним и большее разнообразие. Видимо, уже со времени позднего неолита на острове практиковались смешанные браки. Последний факт Мэллори отмечает с большой горечью и, более того, наконец признается читателю, что и его «эталонный ирландец» Ниалл, сын Эохайда Мугмедона, был наполовину бриттом: согласно легенде, его матерью была рабыня, привезенная из Британии.

Данные по митохондриальным группам современного населения дают большой разброс, но всё же следует отметить, что преобладающей оказывается так называемая H-гаплогруппа (39%), являющаяся доминантной также в южной Франции (продолжая линию поиска испанских корней, отметим, что доминирующая в Испании V-группа в Ирландии составляет всего 4% населения).

Рис. 4. Предположительная миграция Y-хромосомы R1b-14.

Данные по Y-хромосоме более определены: здесь доминирует гаплогруппа R1b-14, которую генетики обычно связывают с Иберией (см. рис. 4). Но, как пишет Мэллори, выделившая данную

группу мутация датируется примерно 18 500 г. до н. э., что заставляет предположить ряд миграций носителей данного гена по всей Западной и Южной Европе еще до заселения Ирландии. Подгруппа R1b-14-M529, доминирующая в самой Ирландии (он считает, что к ней относился и Ниалл, причем предполагает, что 5% населения Северной Ирландии являются его прямыми потомками), встречается также в Британии (в основном в Шотландии), а также в Бретани.

В общем, ничего определенного! Анализ ДНК современного населения страны дает очень мало, вернее — слишком много, чтобы сделать какой-то определенный вывод, а палеоантропологический материал пока слишком скуден (и методика его генного анализа далека до совершенства). В качестве параллели он приводит историю населения территории современной Венгрии, которая за много столетий сменила несколько этносов, археологических культур и языков.

И, наконец, глава девятая: «Языковые свидетельства». Увы, и тут автор продолжает соблюдать осторожность и остерегается делать поспешные выводы. Более того, его провокативная «строгость подхода» заставляет усомниться даже в том, что ирландский язык может быть назван кельтским. Или даже индоевропейским. Действительно, античные авторы (в основном греческие) называли кельтами некоторые варварские племена, жившие на территории Европы, о которых сейчас мы можем лишь с уверенностью сказать, что они были не греками. Остальное уже может быть подвергнуто сомнению, и более того — подвергается. Бывшие изоляты лузитанцы становятся кельтами, кельтами же становятся тартессийцы, а вот, например, племя, которое римляне называли *Germani* и которое дало название целой языковой семье, по данным ономастики оказывается кельтским (впрочем, их в этом подозревал еще Страбон). Автор пишет, что осознание собственной «кельтскости» пришло к ирландцам очень поздно, не ранее XVI в., после того как шотландский антикварий Джордж Бьюкенен сравнил некоторые слова галльского, шотландского гэльского, ирландского и бретонского языков и увидел поразившие его регулярные соответствия. Все это общеизвестно (см., например, обзорную брошюру McCone 2008 и рецензию на нее Николаев 2011). Но эти банальные «парадоксы», имеющие параллели, естественно, и в других языковых семьях, по отношению к кельтам сейчас становятся болезненно актуальными. Мэллори приводит в данном случае странное, но в чем-то верное определение того, кто может быть назван кельтом,

принадлежащее Раймонду Карлу, автору вводной главы к «Альтернативной теории», о которой я писала в начале: «Кельт — это тот, кто либо говорит на кельтском языке, придерживается традиционного кельтского искусства или материальной культуры, сам считает себя кельтом, либо его считают кельтом другие» (Karl 2010: 47).

Обращаясь уже непосредственно к языку ирландскому, он пишет в достаточно популярной форме (видимо, в качестве мысленного адресата автор представлял себе скорее студента-археолога, а не лингвиста), что по данным рефлексов глухого лабиовелярного (как *k*- или как *p*-) ирландский язык близок к шотландскому и мэнскому (они все произошли из древнеирландского). Но он также разделяет эту фонетическую черту с кельтиберским, который был засвидетельствован в северной части Испании примерно в III—I вв. до н. э. К этому он сдержанно добавляет: «Как показал недавно Джон Кук, близким к нему является также тартесийский, так что теперь мы вроде бы (that we should now) должны учитывать и эти данные, датирующиеся VIII в. до н. э.» (с. 252). Мне кажется, в данном случае осторожность Мэллори уже чрезмерна: идеи Кука, относящиеся к тартесийскому языку, сейчас оспариваются многими (см. в дополнение к приведенным мною выше ссылкам резко отрицательную рецензию на его книгу Koch 2011). Идея, что сохранение глухого лабиовелярного, объединяющее гойдельские языки и кельтиберский, может как-то свидетельствовать об их близости и еще раз подтвердить предположение об иберийском происхождении ирландцев, никогда и никем, даже Куком, не формулировалась всерьез. Как показывает Мэллори, адресуясь здесь к наивному читателю, данный фонетический переход ($*k^w > k^w > k \sim *k^w > p$), разделивший кельтские языки на две группы, произошел относительно поздно: так, в галльских диалектах еще наблюдаются флуктуации, свидетельствующие о том, что на определенном этапе оба звука были скорее аллофонами. Постулируя условность данной классификации, Мэллори не задается вопросом, когда же все-таки переход $k^w > p$ мог произойти и, что важнее, произошел ли он параллельно в нескольких субветвях кельтских языков или в одной ветви, которая разделилась потом на галльские диалекты (включая лепонтийский) и на бриттскую ветвь? Из его сравнений с данными греческих диалектов, где также фиксируется аналогичный переход, можно предположить, что он склоняется к первой возможности. К началу н. э., как я понимаю, этот переход уже имел место, и поэтому наличие на карте Пто-

лемея (самом первом реальном свидетельстве о языке) на территории Ирландии отдельных этнонимов и гидронимов, в которых фиксируется переход $k^w > p$, как кажется, должен говорить о том, что уже в исторический период население Ирландии с языковой точки зрения не было гомогенным: среди кельтского населения могли присутствовать и бриттские племена (*Manapii*, *Gangani*, *Brigantes*, *Vellabori*), возможно, заселившие остров несколько раньше, но затем вытесненные и ассимилированные гойделами (ср. теорию кумулятивной кельтизации Британских островов в Hawkes 1973, а также ее развитие применительно к данным Птолемея в De Bernardo Stempel 2000).

Но язык ирландский, как он пишет, является также так называемым островным кельтским языком, объединяясь с языками бриттскими (в их поздней форме). Данное деление также во многом является искусственным, и, приводя соответствующую схему, Дж. Мэллори с некоторым облегчением цитирует П. Симс-Вильямса, утверждавшего, что «доказательство галло-бриттского единства, как и островного единства, равно обречены на неудачу» (Sims-Williams 2007: 345).

В главе, надо признать, упоминается возможность метода лексикостатистики, однако с известным скептицизмом. Автор полагает, что сам список базовой лексики случаен, но главное — полученные таким образом данные необычайно варьируют в разных работах, что ставит под сомнение правомерность самого подхода. Так, по подсчетам Д. Грина, распад гойдельской и бриттской ветвей датируется примерно 700 г. до н. э. (Greene 1983), Р. Грей и К. Аткинсон датируют его 900 г. до н. э. (Gray and Atkinson 2003), тогда как В. Блажек углубляет дату до 1100 г. до н. э. (Blažek and Novotna 2006). Естественно, автором учтены не все работы, но в целом сторонниками данной методики последняя дата считается наиболее точной. Причем в данном случае следует понимать, что указанная дата вовсе не датирует переход $k^w > p$ в той группе кельтских языков, которые затем дали галло-бриттскую ветвь; естественно, он произошел гораздо позднее (см. McCone 1996: 43, а также Михайлова 2009)¹.

Дж. Мэллори, в свою очередь, полагает в данном случае более надежным исследование культурной лексики, отражающей реалии, изученные и описанные археологами. Так, например, обозначение серебра (ирл. *argat*, валл. *aryant*, галльск. *ar-*

¹ П. Схрейвер, сторонник инсularной теории, вообще датирует данный переход I в. н. э. (см. Schrijver 2009: 205).

gento-), по его мнению, свидетельствует о том, что население Ирландии, которое освоило обработку этого металла, было уже кельтским, для Ирландии — это конец бронзового века. Впрочем, идею заимствования он все же полностью не отвергает. При этом он тут же дает аналогичные сходные данные по обозначению железа (ирл. *iarn*, валл. *haern*, галльск. *isarno-*), что, как кажется, чисто логически противоречит приведенному выше утверждению: если кельты жили на Британских островах уже в бронзовом веке, то заимствованная ими технология обработки железа предполагала и заимствование лексемы, причем, как я думаю, именно теория кумулятивной кельтизации данное противоречие снимает. Те, кто привез в Ирландию и Британию железо ок. 700 г. до н. э., могли быть кельтами (и скорее всего ими и были), но это не означает, что более ранние поселенцы кельтами не были. Вывод автора, как всегда, осторожен: маловероятно, что протогойдельский язык мог быть завезен в Ирландию ранее 1500 г. до н. э., и тут с ним, вероятно, нельзя не согласиться. Но протогойдельский или некий кельтский? Или для такой глубокой даты вообще нельзя говорить о разделении двух ветвей (см. приведенные выше данные глоттохронологии)? Как кажется, автор не всегда четко разделяет эти понятия. Если продолжить его логические рассуждения, то мы неизбежно придем к выводу, что в середине второго тысячелетия до н. э. Британские острова были заселены кельтскими племенами, которые уже затем разделились на две группы — бриттскую и гойдельскую. Теоретически это возможно, более того, бриттские языки демонстрируют поразительную близость с ирландским (в основном в области синтаксиса, а также в грамматикализации такого исходно фонетического феномена, как лениция), что отчасти (но лишь отчасти!) является исходной посылкой выделения «инсулярной ветви» в классификации кельтских языков. Но это маловероятно. Фонетические и лексические совпадения древнебриттских языков и галльских диалектов, а также несомненное единство корневых реестров топонимики и ономастики говорит в пользу галло-бриттской общности. Об этом свидетельствуют и приведенные автором совпадения в этнонимике, причем этнонимике довольно поздней. Так когда же мог появиться на острове непосредственный предок ирландского языка и как он там появился?

«Распространение языка всегда сопровождается перемещением народа, который является носителем определенной культуры, поэтому данные археологии в данном вопросе оказываются очень

важны» (с. 265), — пишет он, обращаясь к анализу особенностей локализации латенских артефактов на территории острова. В основном они оказываются сосредоточенными на северо-востоке, тогда как юго-запад и юг гораздо дольше придерживаются более ранней орнаментики. Это соотносится и с данными Птолемея, на карте которого бриттские этнонимы размещены в западных и южных районах. Все в целом позволяет Дж. Мэллори сделать вывод, что еще в начале н. э. в Ирландии сохранились бриттские племена, которые затем были ассимилированы гойделами и, соответственно, утратили свой исконный язык.

Проблеме смены языка посвящен специальный раздел главы о языковых данных. Основным действующим фактором автор считает в данном случае фактор социально-экономический: носители «языка-цели» (в современной социолингвистической терминологии — *target-language*) всегда оказываются носителями и более развитой культуры (для раннего периода — в основном культуры материальной), хотя в отдельных случаях, как он признает, может иметь место и фактор военный: формирование из носителей нового языка хорошо вооруженной элиты. В Ирландии, по мнению Дж. Мэллори, смена языка имела место на следующих этапах истории:

— при переходе от мезолита к неолиту (заселение острова земледельцами и постепенное вымирание ранних охотников-собирателей);

— при переходе к бронзовому веку (с началом обработки металлов и переселением в Ирландию носителей культуры колоколовидных кубков);

— с началом строительства крепостей на холмах (ок. 1000 г. до н. э.) и выделением военной элиты (данный языковой сдвиг очевидным уже не кажется, хотя теоретически он возможен);

— с началом железного века (ок. 700 г. до н. э.), данный языковой сдвиг автор все же считает маловероятным (a very weak explanation for language shift, с. 278), хотя именно он традиционно связывается с приходом на остров протогойделов; по мнению Дж. Мэллори, не собственно появление железных орудий, которые могли быть завезены с континента, но несколько более позднее распространение латенского орнаментального стиля является более надежным знаком новой миграции, а следовательно — и очередной смены языка.

Но все это лишь догадки и предположения или, как пишет сам автор, доказательство одного неизвестного при помощи двух других. Суммируя свои выводы, он приходит к заключению, что протогойдельский, скорее всего, появился в Ирландии

не ранее III, но не позднее I в. до н. э., и связывает его появление со строительством новых культовых центров и сменой погребений.

Но означает ли это, что к концу указанного периода остров был практически полностью гойделизован? На этот вопрос автор прямого ответа не дает, хотя ссылается на работы, в которых последовательно проводится идея, что догойдельские диалекты были живы в Ирландии еще в середине V в. н. э. (например, Schrijver 2000, 2005). Возвращаясь к проблеме сосуществования на территории Ирландии разных этнических групп и отражения этой темы в средневековых текстах (которой посвящена седьмая глава книги Мэллори), я бы не стала ограничиваться «Книгой захватов Ирландии», которая представляет собой интересный литературный памятник, но исторической ценности почти не имеет. И в Анналах, и в генеалогической поэзии, и в сагах исторического цикла — всюду постоянно звучит мотив объединения страны под властью верховного короля и борьбы с так называемыми *aithech-tuatha* ‘мужицкими племенами’. Причем локализируются они, как правило, как раз в Мунстере, то есть в той области, где Птолемей размещал племена с бриттскими этнонимами. Так, например, Ф. Бирн пишет об этом регионе: «Субстрат населения Мунстера отличается пестротой. В этой области жили различные племенные группы, объединенные общим названием *aithech-tuatha*» (Byrne 2001: 180). Т. О’Рахилли называет их еще более определенно: «*aithech-tuatha* — vassal tribes of **non-Goidelic** origin» (O’Rahilly 1946: 154). Анналы связывают с темой борьбы с «мужицкими племенами» имя легендарного короля Туатала Техтмара (Túathal Techtmar), жившего предположительно в I в. н. э. («Анналы четырех мастеров» датируют его смерть 106 г.), то есть именно тогда, когда по мнению Мэллори и других гойдельский язык распространился по всему острову.

Проблеме идентификации докельтского субстрата в книге уделено мало внимания: перечислив возможных кандидатов (баски, афроазиаты), но умолчав о протосаамах, автор делает справедливый вывод, что большая часть не этимологизируемого словаря в древнеирландском, как и в бриттском, относится к «бродячей» лексике, и судить по этим словам о субстрате вряд ли возможно. И уже не ясно, о каком именно субстрате можно говорить — докельтском или догойдельском (в последнем случае диалекты бриттской ветви кельтской семьи также попадают под это определение).

Но если протогойдельский язык, как, наверное, справедливо показывает Джеймс Мэллори, был в

первую очередь связан с формированием класса воинской элиты и строительством крепостей, что в дальнейшем и обеспечило его победу над другими языками, то дата его появления в Ирландии автоматически должна будет отодвинуться к позднему бронзовому веку! И здесь я позволю себе дать собственный сценарий этнических и языковых перемещений на острове, причем исключительно опираясь на данные Мэллори и исходя только из них. То, что он называет сдвигом (*language shift*), на самом деле собственно сдвигом не было, а скорее могло быть названо внедрением нового языкового элемента и частичными языковыми перемещениями. Так, предположительно, около 1000 г. до н. э. на северо-востоке Ирландии этот новый этнический элемент каким-то образом внедрился, и на его основе начала формироваться воинская элита. Естественно, он был кельтским, этнически и лингвистически, но говорить о его предположительной гойдельской или бриттской принадлежности просто еще не имело смысла. Затем страна пережила еще ряд вторжений, в основном кельтских, но уже скорее бриттских, в разной степени успешных и в разной степени стабильных. Новые племена принесли на остров железо и латенский стиль, но этот факт не обязательно должен был автоматически сопровождаться очередной сменой языка. Сам Мэллори, например, пишет о «римском присутствии» в Ирландии и предполагает, что романизированные бритты первых веков н. э. могли спорадически переселяться в Ирландию (откуда там римские монеты и другие объекты римской культуры). Но ведь это не вызвало языкового сдвига. Приведу более яркий пример, относящийся к более позднему времени: в VIII—X вв. Ирландия подвергалась нападениям викингов, более того, к концу этого периода на острове существовало несколько скандинавских поселений. Более того, викинги научили ирландцев плавать под парусом, пользоваться якорем, ловить рыбу сетью, чеканить монеты, застегивать одежду на пуговицы, стрелять из лука и так далее. И что же? Кроме небольшого числа заимствований, никакого лингвистического влияния скандинавские языки на ирландский не оказали, напротив, сами выходцы из Норвегии и Дании, осевшие в Ирландии, быстро ассимилировались и сменили язык (как и в Нормандии, как и на Руси). Позднее нечто аналогичное произошло и с англо-норманнскими завоевателями, которые, оставаясь подданными английской короны, переселяясь в Ирландию, переходили на местный язык (ср. известный эффект «местных жен»). Только с XVI в. последовательная антиирландская и антика-

толическая политика смогла как-то противостоять этому процессу.

Но моя идея поддерживается не только историческими аналогиями. Гойдельский язык по сравнению с бриттскими языками выглядит более архаическим. Так, уже описанный переход $*k^w > p$ представляет собой не альтернативное фонетическое развитие, а инновацию, прошедшую в галльских диалектах и бриттских языках, но не затронувшую маргинальные гойдельский и кельтиберский (напомню, в гойдельском переход $*k^w > k$ завершился только к VI в.). Развитие других общекельтских звуков также скорее демонстрирует явные бриттские тенденции к инновациям при гойдельском консерватизме. Ср., например, и.-е. $*ual-$ ‘владеть, управлять’ (IEW 1112): ср. др.ирл. *flaith* — ‘властитель, власть’ при ср.-валл. *gwlad* ‘страна’ и корн. *gulat* ‘родина’ (ср. также русск. *власть*). Бриттский переход и.-е. $*s > h$ в гойдельском отмечается поздно, и то только в слабой позиции, тогда как в бриттских языках он затрагивает и абсолютный анлаут: ср. др.ирл. *síl* ‘семья’, *sír* ‘долгий’, *sen* ‘старый’ при ср.-валл. *hil*, *hir*, *hen*. И так далее.

Мэллори все время напоминает читателям об этнических и языковых сменах на территории Венгрии, сравнивая ее с Ирландией. Но сравнение это неточно: через Венгрию можно было пройти дальше, а попав на остров Ирландия, деваться уже было некуда — погибнуть или победить. Все это, в общем, скорее предположения.

В общем, окончательного вывода нет ни у Мэллори, ни у меня. Но есть над чем подумать.

P.S. Когда книга Мэллори была уже в типографии, появилась статья Патрика Симс-Вильямса с завлекательным названием: «Bronze- and Iron-Age Celtic-speakers: What don't we know, what can't we know, and what could we know? Language, genetics and archaeology in the Twenty-first Century» (Sims-Williams 2012). Его вывод предстает еще более пессимистичным: «Вопрос о том, как и каким образом лингвистическая география может или могла бы коррелировать с археологическими и генетическими данными, остается открытым» (Sims-Williams 2012: 442).

Литература

- Диллон А., Чедвик Н. К. *Кельтские королевства*. Пер. с англ. СПб.: Евразия, 2002 (ориг. 1967). [Dillon A., Chedvik N. K. *Kel'tskie korolevstva*. Per. s angl. SPb.: Evraziya, 2002.]
- Клинд-Йенсен О. *Дания до викингов*. Пер. с англ. СПб.: Евразия, 2003. [Klind-Jensen O. *Daniya do vikingov*. Per. s angl. Spb.: Evraziya, 2003.]
- Михайлова Т. А. Глухой лабиовелярный и его место в классификации кельтских языков. *Вопросы языкового родства*, 2, 2009, 79—90. [Mihailova T. A. Glukhoj labiovelyarnyj i ego mesto v klassifikatsii kel'tskikh yazykov. *Voprosy yazykovogo rodstva*, 2, 2009, 79—90.]
- Михайлова Т. А. (рец.) Koch J. T. 2009, *Вопросы языкознания*, 3, 2010, 141—145. [Mihailova T. A. (rets.) Koch J. T. 2009, *Voprosy yazykoznanija*, 3, 2010, 141—145.]
- Николаев Д. С. (рец.) McCone 2008, *Атлантика. Записки по исторической поэтике*. Вып. 9, 2011, 175—180. [Nikolaev D. S. (rets.) McCone 2008, *Atlantika. Zapiski po istoricheskoj poetike*. Vyp. 9, 2011, 175—180.]
- Birkhan H. (rev.) Cunliffe B. W. & Koch J. T. *Zeitschrift für celtische Philologie*, 60, 2013, 290—296.
- Blažek V. and Novotna P. ‘On application of glottochronology for Celtic languages’. In *Celto-Slavica 2: Second International Colloquium of Societas Celto-Slavica*. Moscow, Max-Press, 2006, 11—36.
- Byrne F. J. *Irish Kings and High-Kings*. Dublin: Four Court Press, 2001 (1973).
- Collis J. *The Celts: Origins, Myths, Inventions*. Gloucestershire: The History Press, 2010.
- Cunliffe B. W. & Koch J. T. (eds.) *Celtic from the West: alternative perspectives from archeology, genetics, language and literature*. Celtic Studies Publications XV, Oxford: Oxbow Books, 2010.
- De Bernardo Stempel P. ‘Ptolemy’s Celtic Italy and Ireland; a linguistic analysis’. In Parsons D. and Sims-Williams P. (eds.) *Ptolemy: Towards a Linguistic Atlas of the Earliest Celtic Place-names of Europe*. Aberystwyth, CMCS, 2000, 83—112.
- Gray R. and Atkinson Q. ‘Language-tree divergence times support the Anatolian theory of Indo-European origin’ *Nature*, 426, 2003, 435—439.
- Greene D. ‘The coming of the Celts: the linguistic viewpoint’. In Mac Eoin G. (ed.) *Proceedings of the Sixth International Congress of Celtic Studies*, Dublin, DIAS, 1983, 131—137.
- Hawkes C. ‘Cumulative Celticity in pre-Roman Britain’ *Études Celtiques*, 13, 1973, 607—627.
- Karl R. ‘The Celts from everywhere and nowhere: a re-evaluation of the origins of the Celts and the emergence of Celtic cultures’. In Cunliffe & Koch 2010, 39—64.
- Koch J. T. *Tartessian. Celtic in the South-West at the Dawn of History*. Celtic Studies Publications XIII, Aberystwyth, 2009.
- Koch M. (rev.) Koch J.T. 2009, in *Zeitschrift für celtische Philologie*, 58, 2011, 254—259.
- McCone K. *Towards a Relative Chronology of Ancient and Medieval Celtic Sound Change*. Maynooth, The Cardinal Press, 1996.
- McCone K. *The Celtic Question: Modern Constructs and Ancient Realities*. Dublin: DIAS, 2008.
- McEvoy B. P. & Bradly D.G. ‘Irish Genetics and Celts’. In Cunliffe & Koch 2010, 107—120.
- O’Rahilly T. P. *Early Irish History and Mythology*. Dublin: DIAS, 1946.
- Schrijver P. ‘Non-Indo-European surviving in Ireland in the first millennium AD’, *Ériu*, 51, 2000, 195—199.
- Schrijver P. ‘More on Non- Indo-European surviving in Ireland in the first millennium AD’, *Ériu*, 55, 2005, 137—144.
- Schrijver P. ‘Celtic influence on Old English: phonological and phonetic evidence’ *English Language and Linguistics*, 13, 2009, 193—211.
- Sims-Williams P. ‘Common Celtic, Gallo-Brittonic and Insular Celtic’. In Lambert P.-Y. and Pinault G.-J. (eds.) *Gaulois et Celtique Continental*. Geneva: Droz, 2007, 309—354.

Sims-Williams P. 'Bronze- and Iron-Age Celtic-speakers: What don't we know, what can't we know, and what could we know? Language, genetics and archaeology in the Twenty-first Century', *The Antiquaries Journal*, 92, 2012, 427–449.

Woodman P. 'The post-glacial colonization of Ireland: the human factors'. In: O'Corráin D. (ed.) *Irish Antiquity: Essays and Studies Presented to Professor M.J. O'Kelly*. Cork: Tower Books, 1981, 93–110.